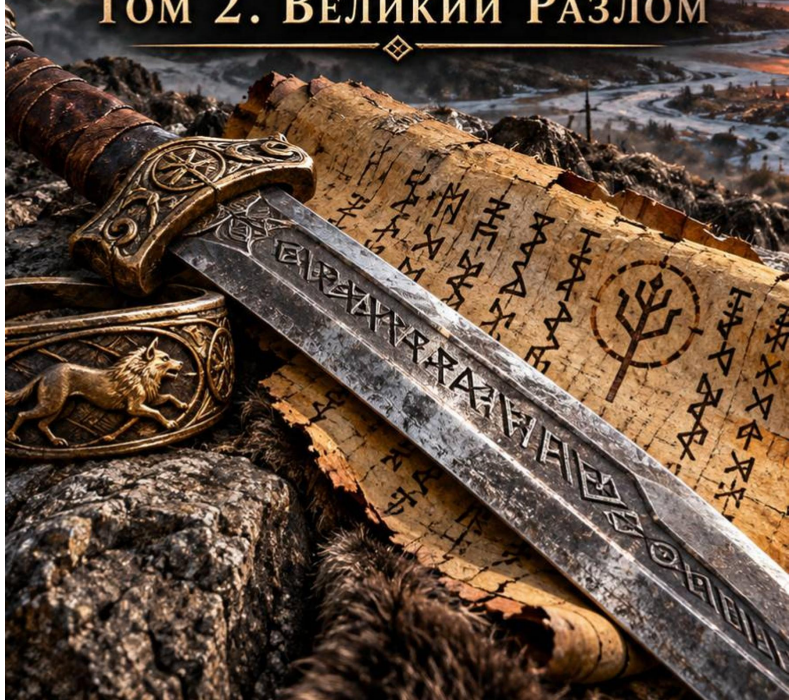

МИРЛАН КОЖАБАЕВ

ПУТЬ

Том 2. Великий Разлом

Мирлан Кожабает

ПУТЬ Том 2. Великий Разлом

<https://litres.ru/74637442>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эпическая сага о судьбе древнего тюркского рода Йенгли, хранящего память о восстании Секиз-Огуз и священном мече Эркина. Действие разворачивается в переломный момент истории, когда могучий Уйгурский каганат начинает трещать по швам под натиском северных племён.

В центре повествования — молодой хранитель меча Кутлуг, чья судьба переплетается с судьбой целого народа. На фоне надвигающейся войны с кыргызами он проходит путь от юного воина до зрелого лидера, защищая свой род и древние традиции.

Роман раскрывает сложную картину жизни степных племён: их родовые устои, систему власти, военное искусство и духовную культуру. Особое внимание уделяется противостоянию между верностью традициям и необходимостью перемен, между личной судьбой и долгом перед родом.

Книга будет интересна всем, кто увлекается историей тюркских народов, любит глубокие исторические романы с сильным сюжетом и яркими персонажами.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

ПУТЬ Том 2.

Великий Разлом

Глава

ПУТЬ Том 2. *Великий Разлом*

Глава 1. Меч и память

Иртыш дышал. Кутлуг ощущал это не ушами или носом, а чем-то более глубоким — тем, что его предки называли «кёк ичи», внутренним небом. Река не просто текла, она жила: вдыхала на рассвете, когда пар поднимался с воды и тёк по берегу, словно дыхание спящего зверя, и выдыхала вечером, когда туман садился на камыши, а водная гладь темнела, словно закрывая глаза.

Он стоял на краю могильника, там, где Иртыш, огибая высокий правый берег, делал петлю. Здесь, на глинистом обрыве Южного Алтая, предки погребали своих близких. Они не были первыми, кто нашёл здесь покой — ещё до Еркина, до Тогана, до того, как род получил имя Йенгли, в эту землю уже ложились люди. Но именно здесь стояли камни, которые хранили память обо всём.

Балбалы — это грубо обтёсанные каменные столбы с плоскими лицами, обращёнными на восток. Всего их было семь — семь поколений. Старший, самый северный, почти полностью ушёл под землю, и из травы виднелась лишь его макушка, покрытая мхом и лишайником. Младший, южный, стоял прямо, как будто его установили совсем недавно. Однако на самом деле его возвели тринадцать лет назад, после смерти Кучука, вождя рода Бугра и давнего союзника Йенгли.

Между камнями возвышались круглые насыпи, покрытые ковылём и типчаком. Под ними покоились воины, женщины и кони — кости, сбруя и оружие. Иногда после сильного ливня вода вымывала из глины обломки стремени или поясную бляшку. Тогда женщины говорили: «Предки показались, надо задобрить». Они резали барана, выливали кумыс на землю и жгли ветви можжевельника. Так делали всегда, и так будут делать, пока род помнит свои корни.

Кутлугу было пятнадцать. В этом возрасте юноши Йенгли отправлялись в первое ночное дозорное. Их оставляли одних на диком берегу без оружия, чтобы ночь научила их выживать. Те, кто возвращался, становились воинами. А те, кто погибал, становились добычей волков, и матери не плакали по ним, потому что в степи не оплакивают слабых.

Кутлуг вернулся. Но не через одну ночь, как все, а через три. Первую ночь он провёл у могильника, прижавшись спиной к балбалу, и слушал, как гремят камни на речных пере-

катах. Во вторую ночь он прошёл вдоль берега до урочища Бугра и обратно — всего четыре шага пути. Вернувшись, он обнаружил на своём бедре глубокую царапину, полученную то ли от ветки, то ли от когтя. В третью ночь он поднялся на холм к западу и долго смотрел на восток, туда, где за Хангаем, невидимая и далёкая, дымилась ставшая призраком ставка — всё, что осталось от Великого Тюркского каганата, павшего ещё до его рождения.

Там же, на востоке, тлели угли и их собственного, огузского величия. Девяносто одна зима прошла с тех пор, как в далёких 747–749 годах великий вождь Тай Бильге-тутук поднял восстание восьми родов, пытаясь уничтожить зарождающееся уйгурское ярмо. Союз Секиз-Огуз тогда проиграл, захлебнувшись в крови. Правящий род Яглакаров жестоко растоптал восставших, заставив выживших бежать на дальние окраины.

Прапрадед Кутлуга, Еркин, бывший тогда молодым и яростным воином, вырвался из того адского пламени Орхона. Он унёс с собой единственное сокровище — тяжёлый прямой меч, и затаился здесь, на глинистом обрыве Иртыша. Почти век их род передавал этот клинок из рук в руки, из поколения в поколение — через прадеда Тогана, деда Кадыра и отца Байгала. Почти век они ждали, пока узурпаторы в Орду-Балыке сгниют сами. И Кутлуг, сжимая кулаки в ночной темноте, чувствовал, что время этого клинка стремительно приближается. Наступал 840 год.

В ту ночь, когда Кутлуг вернулся домой из трёхдневного дозора, мать не произнесла ни слова. Отец — Байгал, внук Тогана и правнук Еркина, — лишь молча кивнул. Этого было достаточно.

Сейчас Кутлуг стоял на том же месте, где и три ночи назад, но уже не один. За его спиной замерло два десятка молодых людей — от тринадцати до двадцати лет, все из рода Йенгли. Все они были воинами или теми, кто готовился ими стать.

Они пришли сюда на рассвете в день весеннего равноденствия, когда Тенгри уравнивает свет и тьму, давая понять, что зима закончилась и пришла пора будить спящую землю.

Тогрул сидел на камне рядом с самым младшим балбалом.

Ему было одновременно двадцать и сорок лет, и это сразу бросалось в глаза каждому, кто видел его впервые. Его лицо было молодым и круглым, с широким ртом и тяжёлой нижней челюстью. В старости это лицо могло бы стать суровым, но пока оно сохраняло юношескую мягкость. А его тёмные глаза с тяжёлыми веками смотрели так, будто видели гораздо больше, чем обычно видят в двадцать лет.

Однажды Кутлуг спросил его: «Ты помнишь деда Тогана?», и Тогрул ответил: «Нет. Но мой отец помнил и рассказывал так, что я запомнил его слова, как свои собственные воспоминания. Наверное, это то же самое».

Тогрул был буйруком не потому, что родился старшим, а потому, что остался единственным. Его отец, Тенгри-Буга, умер две зимы назад от лихорадки, которая пришла с восточ-

ным ветром и забрала пятерых — от старика до младенца. Тогрулу тогда было восемнадцать. Совет старейшин сидел три дня и спорил. Потом старший из них, Ак-Балык, встал и сказал: «Тоган был вторым братом и взял слово. Его внук взял слово. Теперь правнук возьмёт его. Мы не выбираем буйрука, мы узнаём его».

Так Тогрул стал буйруком — не по голосованию, а по узнаванию.

Рассвет пришёл не сразу. Сначала на востоке проступила серая полоса, будто кто-то провёл мокрой кистью по краю неба, затем оранжевая — из-за холмов, и наконец золотая. И когда первый луч лёг на камни балбалов, Тогрул поднялся.

Он был невысок, но тяжёл — не жиром, а той плотностью, какой бывают тяжёлыми корни старых деревьев. Когда он шёл, казалось, земля уступает под его шагами. Он встал лицом к востоку, поднял руки ладонями к солнцу и произнёс три слова, которые Кутлуг знал с детства от отца и деда: «Тенгри кёк. Йер-Су таш. Ата-баба, эски». — «Небо — синее. Земля-Вода — камень. Предки — древние». Три уровня мира: верхний, где Тенгри, средний, где Йер-Су, и нижний, где покоятся предки. Так видели мир деда, так видели его и внуки.

Потом Тогрул повернулся к парням. Он не просто обвёл их взглядом, а всмотрелся в каждого поочерёдно, будто пересчитывая.

— Сорок семь шатров, — сказал он. — Сорок семь ды-

мов. Когда Еркин пришёл на Иртыш, спасая остатки разбитого Секиз-Огуз, их было десять. Десять шатров, тридцать душ, восемь коней и один меч.

Он помолчал. Парни знали эту историю наизусть, но слушали каждый раз как в первый. Тогрул не просто рассказывал — он доставал историю из себя, как кузнец достаёт из горна раскалённый, готовый клинок.

— Еркин был воином. Не ханом, не каганом — воином. Он родился, когда каганат ещё стоял, вырос, когда тот падал, и состарился здесь, на краю мира. Он видел, как великое восстание Тай Бильге-тутука захлебнулось в крови девяносто лет назад. Наш древний союз Секиз-Огуз тогда растоптали. Но Еркин сделал то, что делают корни, когда падает дерево — вцепился в этот берег Иртыша.

Тогрул сел обратно на камень. Не от усталости — так рассказывали деды: сидя, спокойно, без лишнего крика и жара. Жар нужен для боя, для слова же необходима тяжесть.

— Еркин взял меч, а его брат Тоган взял слово. Вы знаете это, но не понимаете, что это значит. Думаете: один воин, другой говорун? Нет. Еркин взял меч — значит, он взял ответственность за то, чтобы род выжил. Не победил — выжил. Меч нужен не для того, чтобы рубить, меч нужен, чтобы стоять. Конь без узды бежит, куда глаза глядят, а род без слова бежит, куда ветер дует. Меч держит тело, слово держит душу. Если меч сломается, можно выковать новый в плавилях. Если слово забудется — выковать его некому. То-

ган взял слово — значит, взял ответственность за то, чтобы род помнил не просто, кто мы, а зачем мы. Слово существует не для разговоров, слово существует, чтобы помнить, зачем мы здесь. Мы — Секиз-Огуз, и небо повелело нам вернуться.

Кутлуг стоял неподвижно. Он слышал это от отца и стариков, но от Тогрула всё звучало иначе. Отец рассказывал историю как быль, а Тогрул — как присягу.

— Еркин пришёл сюда с десятью шатрами, и Тоган был с ним. Они родились братьями по крови, а стали братьями по выбору. Так бывает сильнее. И когда они поклялись стоять вместе — меч и слово, рука и уста, — они не знали, что проживут семьдесят лет, что род вырастет, а внуки будут пересказывать их историю у могильника на Иртыше. Они знали одно: сегодня нужно выстоять. Сегодня надо продержаться и сказать: мы здесь.

Тогрул достал из-за пазухи потёртый замшевый мешок с бахромой из конских волос и развязал его. Внутри лежала старая, желтоватая береста с трещинами по краям. Он развернул её осторожно, как разворачивают повязку на ране.

— Это писал дед Тоган. Моё слово — от его слова, а ваше — от моего.

Он поднял бересту к свету. На ней виднелись руны — странные знаки, похожие на следы птиц на мокром песке. Кутлуг не умел читать — мало кто умел, — но он знал наизусть каждую строчку.

— «Два корня — одно дерево, — прочитал Тогрул. —

Меч — ветвь, слово — сок. Кого срубают — отрастёт. Кто забудет — усохнет».

Он сложил бересту, убрал обратно в мешок и затянул шнурок.

— Кутлуг.

Юноша вздрогнул — не от неожиданности, а от звука собственного имени в утренней тишине.

— Иди сюда.

Кутлуг сделал несколько шагов. Трава, касаясь поршней, обжигала ступни предрассветной влагой. Он остановился перед Тогрулом. Буйрук, бывший на полголовки ниже, поднял лицо и посмотрел на него снизу вверх своими тёмными глазами с тяжёлыми веками. Его взгляд не требовал — он видел насквозь.

— Ты — хранитель меча. С сегодняшнего дня. Тебе пятнадцать, но Иртыш требует от тебя быть взрослым.

Кутлуг знал об этом. Отец ещё вчера вечером предупредил его: «Завтра Тогрул отдаст тебе меч. Не спорь и не благодари — просто прими». Но знать и услышать это наяву — разные вещи.

Тогрул снял с пояса простые кожаные ножны без серебра, золота и украшений. Меч не любил богатства, он любил тяжесть.

— Эркин, — произнёс Тогрул. — Так назвал его прапрадед — не по имени, а по смыслу. «Эркин» значит «свободный». Не тот, кто никому не служит, а тот, кто сам выбира-

ет, кому служить. Пастух служит стаду не потому, что оно сильнее его, а потому, что без него овцы разбредутся.

Он протянул оружие. Кутлуг взял его, и руки его не дрогнули — оружие дрожать не должно. Кутлуг потянул за рукоять.

Раздался короткий, чистый звук — не лязг, а выдох, будто клинок проснулся после долгого сна и произнёс первое слово. Воздух раскололся, и в эту трещину хлынул рассвет: первый луч лёг на железо, и оно засветилось изнутри ровным, мягким светом, словно в металле ожил затаённый огонь.

Клинок был прямой — древний меч тех времён, когда тюрки бились пешими в строю. На клинке у самой гарды чётко проступали руны. Вырезанные умелой рукой мастера, они не стёрлись за девять десятилетий. Кутлуг провёл пальцем по знакам — они показались ему тёплыми, то ли от солнца, то ли от чего-то иного.

— Прочти, — велел Тогрул.

— Я не умею.

— Я научу тебя. Но сегодня — слушай: «Тенгри буюрды». — «Небо повелело». Это первые слова, которые были вырезаны на клинке, когда Еркин принял его на Орхоне перед тем, как Тай Бильге-тутук поднял восстание. Одна клятва, которую мы сберегли.

Кутлуг смотрел на руны. Он не понимал знаков, но чувствовал кожей и костями: эти линии — не просто буквы, это след людей, которые жили до него, стояли насмерть и не по-

бежали. Тех, кто прошёл сквозь голод и войну, принеся с собой единственное — слово, вырезанное на железе.

«Небо повелело».

Он вложил меч в ножны. Раздался тот же звук, но теперь это был вдох — клинок снова засыпал, готовый ждать своего часа.

— А теперь слушайте, — повернулся к парням Тогрул.

Молодёжь уселась прямо на мокрую траву, а Кутлуг опустился на камень рядом с буйруком. Меч лежал на его коленях — тяжёлый и тёплый.

— Я расскажу вам, как наш род выжил, когда деды подняли восстание Секиз-Огуз, и как уйгурские Яглакары пытались стереть нашу память... — голос буйрука ложился тяжело, а рассвет над Иртышом разгорался золотым пожаром, знаменуя начало долгого, сурового пути.

Глава 2. Уйгурский порядок

Сборщик приехал на пятый день после весеннего равноденствия.

Кутлуг увидел его первым с вершины холма, когда рассвет только занимался над степью. Юноша привык подниматься сюда каждое утро: так делал его отец, делал дед и прадед Еркин. Холм оставался прежним — всё так же петлял внизу Иртыш, всё так же немо смотрели на восток балбалы могильника. Но мир за пределами их кочевья стремительно менял-

ся, и эти изменения обретали плоть.

Двадцать всадников неспешно поднимались по левому берегу реки. Их шаг был ровным и размеренным, как у людей, которые знают, что их прибытия ждут и боятся. Это не был грабительский налёт или военная разведка, а официальный визит хозяев степи.

Кутлуг насчитал двадцать два человека. Двадцать из них составляли охрану: на них были кафтаны, под которыми скрывались кольчуги, изогнутые сабли на поясах и полные колчаны за спинами. Впереди ехали двое: один на гнедом жеребце, в тёмно-синем кафтане с богатой серебряной вышивкой на вороте, а второй чуть позади него, на кобыле. Это были писарь и его конвой.

Кутлуг узнал эту знакомую картину старого мира, но лица людей в нём теперь были другими.

Кутлуг стремительно спустился с холма и направился прямо к шатру Тогрула.

— Едут, — коротко бросил он, переступив порог.

Тогрул сидел на кошме и завтракал, неторопливо жуя лепёшку с сушёным мясом и запивая её кумысом. Он даже не поднял головы.

— Сколько?

— Двадцать два. Сборщик, писарь и двадцать человек охраны. Все в кольчугах.

Тогрул отложил остатки лепёшки и вытер рот тыльной стороной ладони. Только теперь он посмотрел на Кутлуга своими тяжёлыми, мудрыми не по годам глазами.

— Кольчуги — это новое, — негромко произнёс буйрук. — В прошлый раз они приезжали в одних кафтанах, с ножами. Империя вооружает слуг, когда начинает бояться.

Он поднялся — тяжело, всем телом, словно старое дерево, укоренившееся в этой земле.

— Собери стариков. И Байгала позови. Балыка бы ещё, да до него два дня пути. Пошли гонца, пусть приезжает позже, к шапочному разбору. А пока встретим гостей своими силами.

Сборщика дани звали Юсуфом. Он не стал дожидаться приглашения и представился сам, едва остановив коня у главного шатра. Голос его звучал громко и зычно, как у воина на плацу:

— Юсуф, сын Кюлюга, сборщик дани западных владений! По приказу буюрчи Арслана, доверенного лица великого кагана, да продлятся его дни под синим небом!

Тогрул выслушал его молча. Кивнул, признавая чужую власть, и жестом пригласил войти.

Юсуф переступил порог и бегло огляделся. Шатёр буйрука был просторным, самым большим в стойбище, но удивительно скромным. Простые кошмы на полу, дымящий очаг по центру, чистые войлочные стены без дорогих китайских шелков или персидских ковров. У самого входа стояли копье и щит. У дальней стены сиротливо лежал замшевый ме-

шок с берестяными свитками деда Тогана. Кутлуг заметил, как Юсуф задержал взгляд на этом мешке, но Тогрул даже не шевельнулся, закрывая обзор своим грузным телом.

— Садись, — ровно произнёс буйрук. — Чего выпьешь? Кумыс? Чай?

— Кумыс, — ответил Юсуф и опустился на кошму привычным жестом человека, который провёл в седле полжизни и умел уважать степные порядки. В его облике не было вельможной спеси — обычный окружной чиновник, согдиец по крови, выучивший тюркский язык настолько хорошо, что почти избавился от акцента. Он умел говорить со степняками на их языке, и в этом крылась его главная сила.

Кутлуг остался стоять у самого входа, положив ладонь на рукоять клинка. Тогрул не приказывал ему сесть, а Юсуф и вовсе не обратил на мальчишку внимания. Зато двое гвардейцев из охраны, вошедшие вслед за сборщиком, сразу подобрались. Один из них бросил на Кутлуга короткий, оценивающий взгляд — приметил и старый меч у пояса, и суровый разворот плеч. Оценил, запомнил и отвернулся.

Принесли кумыс. Юсуф сделал глубокий глоток, а Тогрул лишь держал свою пиалу в ладонях, глядя на гостя поверх деревянного ободка. Он ждал.

— Тогрул-буйрук, — начал Юсуф, аккуратно подбирая слова. — Я объезжаю весь западный округ. Ваш род Йенгли — последний в моем списке. И не потому, что вы кочуете дальше всех, а потому, что ваш род... сложный.

Тогрул едва заметно приподнял бровь:

— Сложный?

— Последний сборщик был у вас четыре зимы назад, — Юсуф не обвинял, он просто констатировал факт, как торговец, пришедший за старым долгом. — Четыре года каганат не видел вашей дани. В других родах задержка два, ну три года. А у вас четыре. Буюрчи Арслан недоумевает и спрашивает: почему?

— Потому что к нам никто не приезжал, — спокойно ответил Тогрул, выкладывая факт против факта. — Род Йенгли платит, когда к нему приходят. Сами мы за сборщиками по степи не гоняемся. Мы не прячемся в тальниках. Наше стойбище здесь, дым над шатрами здесь, табуны на виду. Приехали бы четыре года назад — получили бы дань четыре года назад.

Юсуф понимающе кивнул. Он был профессионалом своего дела и не любил тратить время на пустые препирательства.

— Хорошо. Тогда давай считать. Дань осталась прежней со времен твоего деда?

— Прежней, — подтвердил Тогрул. — Двадцать коней, сорок овец и сто мер зерна. Если зерна нет — отдаем конями по уговору.

Юсуф достал из-за пазухи небольшой берестяной свиток и костяную палочку, смоченную в чернилах.

— Так что у вас сейчас? Зерно или кони?

— Зерно есть. Пятьдесят мер. Остальное возместим скотом: пятнадцать коней и пятьдесят овец.

Юсуф оторвался от записей и прищурился:

— Пятьдесят овец? В старом уговоре стояло сорок.

— Было сорок, — согласился Тогрул, и в его голосе проступила та самая едва уловимая ирония, которую так хорошо знал Кутлуг. — Но вы не приезжали четыре года. За это время овцы плодились, Юсуф. Они ели траву Иртыша, которую каганат не забирал, и их стало больше. Род Йенгли чужого не берет. Забирай приплод, империя богаче будет.

Сборщик внимательно посмотрел на молодого буйрука. Тогрул не улыбался, лицо его оставалось серьезным, но логика степняка была безупречна. Вы не приезжали — считайте овец.

— Хорошо, — Юсуф быстро заскрипел палочкой по бересте. — Пятьдесят мер зерна, пятнадцать коней, пятьдесят овец. Всё это мы заберем к осени, когда пойдет основной обоз. А сейчас я возьму задаток. Пять коней. В знак вашей доброй воли и верности кагану.

Тогрул промолчал, и Кутлуг понял, что прямо сейчас буйрук взвешивает варианты. Он рассчитывал последствия каждого шага, как дед Тоган или прадед Еркин. Степь вокруг бурлила, и отдавать пять добрых коней прямо сейчас, перед летом, было опасно.

— Три, — веско обронил Тогрул. — Добрая воля Йенгли стоит три коня. Остальное заберешь осенью, весь остаток до

последней головы.

— Пять.

— Три, Юсуф. И обед. Ты ведь голоден с дороги?

Юсуф медлил, а затем впервые за весь разговор открыто улыбнулся одной стороной рта. Это был торг, жестокий степной торг, но кумыс в пиалах был прохладным, а запах варёного мяса уже доносился из соседнего шатра. Чиновник понял: этот тяжелый, круглолицый парень перед ним — не враг. Пока не враг.

— Три коня, — согласился сборщик. — И обед.

Обед накрыли в большом гостевом шатре. На деревянных блюдах исходил паром молодой ягнёнок, зарезанный на рассвете и сваренный с диким луком и целебными кореньями. Рядом лежали плотные ячменные лепёшки, выменянные осенью у кимаков, и мочёные в меду лесные яблоки из пойменных садов.

Юсуф ел аккуратно, неторопливо, смакуя каждый кусок — дорожная жизнь приучила его ценить хорошее гостеприимство. Его охрана устроилась снаружи, у второго костра. Кутлуг стоял неподалеку, у коновязи. Его никто не просил караулить гостей, но он хотел посчитать их силы.

Двадцать гвардейцев. Все молодые, крепкие мужчины от двадцати до тридцати лет. Короткие кольчуги уйгурской работы из мелких, наезжающих друг на друга колец сидели на них как влитые — на железе не было ни ржавчины, ни вмятин. Сабли на поясах одинаковые, из хорошей стали, с ко-

стояними рукоятями. Кони крупные, сытые, заводские — в степной погоне такие быстро выдохнутся, но в ближнем бою их вес станет страшным оружием.

Однако Кутлуг смотрел не на оружие. Он искал следы.

У троих гвардейцев шрамы на лицах и руках были совсем свежими, еще не успевшими побелеть. У одного длинная багровая полоса тянулась от запястья к локтю — рубленая рана, явно от тяжелого клинка. У второго под правым глазом темнел круглый след от стрелы, прошедшей вскользь. У третьего на шее виднелась тонкая, как нитка, отметина от сабельного отворота.

Кутлуг подошел ближе, делая вид, что проверяет путы коней. Тот воин, что со шрамом на шее, сидел боком, опершись на свое седло. Его колчан стоял у ноги. В нем среди обычных уйгурских стрел с гусиным оперением выделялась одна — с короткими, жесткими перьями, крашенными в ярко-красный цвет. И наконечник у нее был другим — тяжелым, трехгранным, из темного кованого железа. Такие стрелы ковали только в одном месте. На Енисее.

Кутлуг замер, не отрывая взгляда от красного оперения. Боец заметил это и повернулся. Его загорелое скуластое лицо было усталым и настороженным.

— Чего вылутился, малый? — спросил он не грубо, но коротко, как спрашивают на войне.

— Стрела, — Кутлуг кивнул на колчан. — Чья?

Гвардеец посмотрел на наконечник, затем снова на Кут-

луга. Помолчал, словно решая, имеет ли право говорить.

— Трофей, — нехотя обронил он. — С севера.

— С севера? Это где?

— Там, где идет большая война, — отрезал гвардеец и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Кутлуг вернулся к гостевому шатру. Внутри Тогрул и Юсуф продолжали негромкую беседу. Купеческий торг закончился, началась большая дипломатия — они осторожно прощупывали друг друга.

— ...Буюрчи Арслан — это тебе не прежний Кюлюг Бойла, — доносился из шатра ровный голос Юсуфа. — Он не дерет со степняков три шкуры. Он считает. Если род платит исправно — он может снизить дань на следующую зиму. Если не платит — он требует отчета. И не мечом, Тогрул-буюрук, а списком. — Сборщик отхлебнул кумыса. — Но этот список — не просто числа для амбаров. Арслан хочет знать, сколько у вас способных носить оружие мужчин, какие пастбища вы занимаете, сколько коней в табунах. Каганат должен точно знать, кто и где живет.

— Зачем это кагану? — спокойно, без вызова спросил Тогрул.

— Затем, что кыргызы не унимаются, — Юсуф опустил пиялу, и лицо его стало серьезным. — Война на севере тянется уже пятый год. Ажо, их правитель, собирает людей со всех лесных племен. Он не просто совершает набеги — он ждет. Наш каган знает: рано или поздно Ажо ударит всей си-

лой по Орду-Балыку. И когда этот день придет, ставке нужно точно знать, кто поддержит империю, кто сбежит, а кого и вовсе нельзя призывать.

— И вы записываете нас в этот список.

— Мы записываем, — Юсуф пристально посмотрел на буйрука. — Это не прихоть Арслана, Тогрул. Так поступали древние тюрки, так делал род Ашина. Каждый каганат вел учет своим людям. Кто платит, сколько дает воинов — это вопрос нашего общего выживания.

— Я понимаю, — Тогрул склонил голову. — И я отвечу на твои вопросы. Способных держать лук и копье в моем роду — сорок человек. Оружие обычное: луки, копья, сабли. Коней в табунах — сто пятьдесят голов. Наши пастбища — левый берег Иртыша, от Большой излучины до устья Кзыл-Су. Всего в роду пятьдесят шатров, триста душ от стариков до младенцев. Этого достаточно для твоего списка?

Юсуф быстро записывал слова буйрука, его костяная палочка глухо скрипела по бересте.

— Достаточно. Но у меня есть один вопрос. Не для списка, Тогрул. Для себя.

— Спрашивай.

— Сорок воинов на триста душ — это много. Обычно в степи на одного воина приходится десять стариков и детей. У вас получается один к семи с половиной. Почему ваш род так вооружен?

Тогрул долго молчал, и Кутлуг видел, как он подбирает

ответ — не ложный, но и не раскрывающий всей правды.

— Потому что мы живем на краю, — наконец произнес буйрук. — От великой ставки кагана нас отделяет тысяча вёрст степи. А от кыргызских кочевий — гораздо меньше. За Иртышом — канглы. Когда твой род живет на самом краю мира, у тебя либо много воинов, либо твоего рода больше не существует.

Юсуф медленно кивнул и отложил бересту.

— И последнее, Тогрул-буйрук. Тоже для себя. Буюрчи Арслан часто спрашивает меня: верны ли ограки кагану? Не на словах, когда я привожу дань, а по-настоящему, сердцем? Ведь на словах-то мне все клянутся в верности...

— По-настоящему, — жестко перебил его Тогрул, — ограки верны только этой земле. Своему роду и своим могилам на обрыве. Кагану мы верны до тех пор, пока каган сидит далеко в своей ставке и добр к нам. Если каган придет сюда и станет злым — тогда это будет совсем другой разговор. Но сейчас каган далеко. Дань мы платим, список я тебе дал. Что еще нужно империи от маленького рода?

Юсуф долго и пристально всматривался в лицо Тогрула, словно пытался прочесть скрытые мысли буйрука, как сам Тогрул читал древние руны своего деда. Наконец сборщик поднялся:

— Ничего. Спасибо за обед, Тогрул. Кони будут к утру?

— Будут, — подтвердил буйрук. — Три коня. И дорожная еда на два дня пути — мясо, лепёшки и свежий кумыс.

Юсуф коротко, формально поклонился и вышел из шатра. У коновязи он остановился, оглядывая раскинувшееся стойбище: пятьдесят шатров, выходящие струйки дыма, играющие дети и женщины, занятые работой. Затем его взгляд переместился на высокий холм, где темнели балбалы могильника, и остановился на Кутлуге.

— Твой сын? — громко спросил Юсуф у вышедшего следом Тогрула.

— Нет, — ответил буйрук. — Племянник. Сын моего старшего брата. И хранитель старого меча Йенгли.

— Какого меча? — прищурился сборщик.

— Очень старого, Юсуф.

Чиновник понимающе кивнул, не стал расспрашивать дальше и направился к своим людям.

Ночью, когда гости уснули у своего костра, выставив бдительных дозорных, Тогрул и Кутлуг сидели на траве у входа в главный шатёр. Весенняя ночь была темной и тихой, крупные звезды низко висели над степью, а внизу, на перекатах, глухо и ровно шумел освободившийся ото льда Иртыш.

— Ну? Что думаешь? — негромко спросил Кутлуг.

— Кольчуги у них новые, — отозвался Тогрул, глядя на угасающие угли. — Совсем неношеные, железо еще пахнет кузнечным маслом. Им выдали их перед самой поездкой в наш округ. Значит, ставка хочет произвести впечатление. Это не прямая угроза нам, Кутлуг, это показуха. Но всякая показуха — это сигнал. У них еще есть железо, и они хотят,

чтобы мы об этом помнили.

— Шрамы, — Кутлуг подался вперед. — У троих гвардейцев шрамы совсем свежие. И это не от набегов кимаков или канглов. Это от кыргызов.

— Ты уверен?

— У одного в колчане я видел кыргызскую стрелу. Красное оперение, тяжелый трехгранный наконечник из кованого железа. Я спросил его, откуда она. Он ответил: «Трофей с севера», и сразу замолчал.

Тогрул погрузился в долгое молчание. Кутлуг не торопил его — он уже научился ждать. Буйрук думал медленно, но его выводы всегда рубили наповал.

— Пятый год, — наконец произнес Тогрул. — Война с кыргызами идет уже пятый год. Мы слышали об этом от проезжих купцов, но слышать — это одно, а видеть шрамы на лицах каганской гвардии — совсем другое. Юсуф не просто сборщик дани, Кутлуг. Он лазутчик. И список этот Арслану нужен не для амбаров. Империя считает свои силы. Они хотят точно знать, сколько у кого воинов и оружия. И не для того, чтобы защитить нас на Иртыше, а чтобы знать, кого можно призвать в строй, когда наступит черный день.

— И этот день придет?

— Придет, — Тогрул сказал это уверенно, как о восходе солнца. — Ажо, кыргызский правитель, отправил нашему кагану гонца со словами: «Твоя судьба кончилась, скоро я возьму твою орду». Это не пустые слухи, Кутлуг, это вызов,

брошенный в лицо. Уйгурский каганат трещит по швам. И гниет он не снаружи, а изнутри. Дерево, загнившее со ствола, не ломает внешний ветер — оно падает само, под собственной тяжестью. Каганат падает. Но мы — не дерево, мы корень, вцепившийся в этот берег. Корень под падающим стволом должен затаиться и ждать. А волки на севере ждут уже пять лет. Волк не устает караулить у норы, он знает, что лисица рано или поздно выйдет.

Кутлуг промолчал. Он думал о гвардейце со шрамом на щеке, который вез в своем колчане кыргызскую стрелу как напоминание о пережитом ужасе. Война, длившаяся пять лет, утомляла людей сильнее, чем самый тяжелый зимний переход.

— Юсуф спросил, верны ли мы кагану, — вспомнил юноша.

— И я ответил ему правду. Мы верны земле и своим могилам. Кагану — пока он далеко и не трогает нас. Но если каган придет сюда со злостью — это будет другой разговор. Помни об этом, Кутлуг. Юсуф записал нас: сорок воинов, сто коней, пятьдесят шатров. Теперь ставка знает наши силы. Иди спать. Завтра нам провожать гостей. И думать. Не о сегодняшнем дне — о завтрашнем.

Кутлуг остался у костра один. Он смотрел на восток, туда, где за далеким Хангаем гремела война, о которой они знали лишь по шрамам чужих солдат и наконецникам трофейных стрел. Эта война казалась далекой — как зима, о кото-

рой рассказывают знойным летом. Но лето уже подходило к концу.

Юноша положил ладонь на ножны мешка. Старое железо Эркина хранило дневное тепло. Тенгри буюрды. Небо повелело. Четыре руны, которые Тогрул научил его различать на камнях могильника. Знаки, связывавшие его с прадедом, которого он никогда не видел. Дед Еркин когда-то держал этот клинок, а теперь ушел в землю, к корням. Но меч остался. И Иртыш остался. А война приближалась к их порогу — тихо, как наползающий с реки ночной туман.

Глава 3. Налёт

Балык приехал на чужом коне.

Кутлуг увидел его с вершины холма на самом рассвете. Одинокй всадник тёмным силуэтом проступал на фоне серого неба. Конь шёл тяжёлой, рваной иноходью, раскачиваясь из стороны в сторону, словно лодка на речной волне. Всадник сидел криво, опасно привалившись к луке седла, а на его левом боку сквозь прорехи в кафтане мелькало что-то белое. Не одежда — наспех наложенная тряпичная повязка.

Кутлуг скатился с обрыва вниз, поднимая тучи сухой глины. Балык остановил хрипящего коня у самого шатра Тогрула, попытался слезть, но колени его подогнулись, и он едва не рухнул в весеннюю грязь. Кутлуг вовремя подхватил его под руку. Вождь соседнего рода был тяжёлым, горячим от

лихорадки, от него остро пахло лошадиным потом, чесночным снадобьем и запекшейся кровью.

— Налёт, — выдохнул Балык, и это слово вырвалось из его груди вместе с кровавой пеной. — Восточный берег. Зимовья. Пришли ночью...

Балык был вождём рода Бугра — внуком старого Кучука, который когда-то дружил с Кадыром Йенгли. Он был на пять лет старше Кутлуга, широкий в кости, рыжеволосый, с лицом, которое в покое казалось добродушным, а в гневе становилось каменным. Сейчас оно было серым, цвета золы.

Тогрул вышел из шатра. Он двигался без суеты, но Кутлуг заметил, что буйрук уже обут в сапоги и подпоясан. Те, кто держит «слово» рода, никогда не спят глубоко.

— Заходи, — глухо сказал Тогрул. — Сядь на кошму. Расскажи по порядку.

— По порядку — три шатра сгорели дотла. Четверо наших убиты на месте. Двух женщин угнали в степь. Лошадей увели — сорок голов, лучший табун, — Балык тяжело опустился на войлок, с трудом вытянул левую ногу, и Кутлуг увидел, что его поршни разрезаны, а под кожу засунута грязная ветошь с бурыми пятнами. — Я шёл всю ночь. Своего коня загнал насмерть, этот — чужой, отбил у их дозорного.

Тогрул молчал, глядя на раненого соседа. В его голове уже шёл подсчёт сил.

— Кто совершил налёт? — спросил он. Не «сколько их было», а именно «кто».

— Не кыргызы. И не каганские гвардейцы. Собирище... дезертиры, — Балык сплюнул кровью на земляной пол шатра. — Человек двадцать, может, чуть больше. Было темно, мы спали. Они пришли перед самым рассветом, тихо, обмотав копыта коней войлоком, точно волки. Я выскочил из шатра спросонья, успел перехватить лук. Двоих свалил наповал. Третьего не успел, — он осторожно тронул повязку на боку. — Ткнул меня копьем. Неглубоко, но кровь пошла сильно, я упал. Они забрали всё и ушли.

— Куда они двинулись? — подался вперед Кутлуг.

Балык посмотрел на него воспаленными, красными от бессонницы глазами, и в них вспыхнула дикая, неутоленная ярость:

— Я послал двух уцелевших парней следить за ними. Бандиты переправились через Иртыш и встали лагерем в низине у старого русла. Разожгли костры, пируют. Моих баранов жрут, твари! Моих!

Кутлуг повернулся к Тогрулу. Буйрук смотрел на него своим особенным взглядом — не приказывающим, а узнающим. Он ждал, что решит хранитель меча.

— Два десятка бандитов, — твердо сказал Кутлуг, чувствуя, как внутри разгорается холодный, собранный уголь. — Я возьму два десятка наших парней. Переправимся у Каменного Брода. Весенний лёд еще держит, хотя уже гнилой. Ночью ударим.

— Лёд гнилой, — медленно повторил Тогрул. Это была

проверка.

— Днём он гнилой, от солнца подмокает. А ночью схватится, к вечеру мороз обещают. Бандиты жируют, они пьяны чужим кумысом и не ждут погони. Дозорных они не выставят — дезертиры не умеют воевать, они умеют только грабить тех, кто слабее. Они тростник, который гнется по ветру. Если мы ударим жестко, они сломаются.

Тогрул тяжело кивнул. Решение было принято.

— Бери двадцать парней. Возьми Бёри-младшего, он лучше всех знает восточный берег. И двух воинов из рода Бугра, которых привел Балык, пусть покажут точное место. А ты, Балык, остаешься здесь.

— Это мой род!.. — попытался вскочить раненый вождь.

— Ты ранен, потерял много крови и едва держишься в седле. Поедешь с ними — упадешь на полдороге, и Кутлугу придется тратить людей, чтобы тащить тебя. Возвращайся к своим уцелевшим шатрам, собери людей. Если Кутлуг не вернется к утру — поднимай весь свой род и иди к Каменному Броду. Но он вернется.

Балык попытался поспорить, но встретил взгляд Тогрула и опустил голову. Буйрук не советовался, он утверждал закон.

Кутлуг собирал отряд быстро и без лишнего шума. Он не раздавал громких приказов, а просто шёл от костра к костру, называл парней по именам и говорил коротко: «Собирайся». Каждый знал, что это значит. Оружие проверяли молча: лу-

ки, полные колчаны, сабли. Тулупы выворачивали шерстью внутрь — так они не шуршали при ходьбе и лучше сохраняли тепло. Поршни подвязывали войлочными подкладками, чтобы ноги не скользили на обледенелой речной кромке. С коней снимали все бляхи и украшения, которые могли звякнуть в темноте.

Среди тех, кто седлал коней, Кутлуг заметил Мунгуша-младшего — правнука старого огуза Мунгуша. Парню было всего восемнадцать, он отличался странной, пугающей выносливостью и диковатой привычкой ходить босиком даже ранней весной, по заберегам. Вот и сейчас он стоял у конюязи, подтягивая подпругу своего рыжего жеребца, совершенно босой. Его ступни, широкие, огрубевшие, казались высеченными из потемневшего дерева.

— Ты не в списке, Мунгуш, — остановился перед ним Кутлуг.

— А я уже в строю, — спокойно ответил парень, не отрываясь от ремня. — Земля еще холодная, лёд тонкий. Сапоги скользят, в них реку не почувствуешь. А я голыми ногами лёд читать буду. Где хрустнет под водой — сразу пойму.

Кутлуг посмотрел в его раскосые, немигающие глаза. Мунгуш не упрямился, он просто знал свою силу.

— Хорошо. Будешь идти за мной. Поехали.

Каменный Брод встретил их глухим, зловещим шумом. В этом месте Иртыш мелел, разделяясь на несколько рукавов галечными островками. Лёд здесь вставал поздно, а ломал-

ся рано. Сейчас, в конце марта, река дышала пустотой под белым панцирем. На поверхности проступали темные, влажные пятна проталин.

Солнце скрылось за западными холмами, оставив на небе узкую багровую полосу, похожую на незатянувшуюся рану. С востока наползала плотная, тяжелая тьма.

Кутлуг спешился, подошел к самой кромке льда и присел на корточки. Река под ногами разговаривала. Из глубины доносился низкий, вибрирующий гул — это шел основной массив льда, еще крепкий, налитой зимней силой. Но местами слышался тонкий, звенящий треск — там вода уже вымыла ледяную толщу снизу, оставив лишь хрупкую корку над пустотой.

— Пройдем? — тихо спросил подошедший Бёри-младший. Его лицо было напряженным — он, как и все степняки, недоверял весенней воде.

— Поодиночке. Дистанция — три длины коня. Если кто-то провалится — не кричать, не поднимать паники, молча вытягивать коня за повод. Я пойду первым.

— Почему ты? — хмуро спросил Курт, один из воинов Балыка.

— Потому что я тяжелее всех вас. Если лёд выдержит меня и моего гнедого — под вами он даже не затрещит.

Кутлуг взял коня под уздцы и ступил на лёд. Гнедой упирался, прядал ушами, чуя под копытами живую, опасную бездну. Кутлуг ласково, но твердо тянул повод, шепча в мох-

натое ухо: «Иди, брат, иди. Лёд держит. Иди». Лёд под ногами прогибался, хрустел, но панцирь был еще плотным. Шаг, другой, третий... Из-под копыт выступала темная наледь. Вода подо льдом гудела, рвалась наружу, и Кутлуг чувствовал эту вибрацию всем телом — через подошвы поршней, через кости, прямо в сердце. Река дышала, и нужно было идти с ней в один такт.

Они миновали первый рукав и выбрались на галечный островок. Кутлуг оглянулся. Парни шли цепочкой, растянувшись на полпоприща. Мунгуш шёл чуть позади Кутлуга. Его босые ступни оставляли на мокром снегу четкие следы, он ступал мягко, точно кошка, выбирая самые темные, налитые силой участки льда.

На втором рукаве, ближе к восточному берегу, течение было быстрее, а лёд — тоньше. Кутлуг шёл медленно, прощупывая дорогу носком сапога. Каждый шаг был вопросом, на который река отвечала то глухим ворчанием, то опасным звоном.

Когда до берега оставалось около ста шагов, конь Мунгуша оступися. Раздался резкий, мокрый хруст — задняя нога жеребца по колено ушла в воду. Животное не закричало, но испуганно хрипло заржало, дернувшись в сторону. Этот звук в ночной тишине показался Кутлугу громче удара в литавры.

— Тихо! — яростным шёпотом осадил Кутлуг. — Мунгуш, не дергай повод! Тяни вбок!

Мунгуш подействовал мгновенно и без суеты. Он бросился прямо в ледяную кашу, ухватил жеребца за ремни у самого удила и рванул на себя, увлекая коня в сторону, где лёд был толще. Жеребец рванулся всем телом и выскочил на прочную кромку. Нога была цела. Лёд вокруг пошел трещинами, но выдержал. Кутлуг перевел дыхание. Через несколько минут весь отряд скрылся в густых береговых тальниках восточного берега.

Лагерь дезертиров располагался в трех полетах стрелы от брода, в глубокой низине у старого русла. Ивы и камыши надежно закрывали его от степного ветра и случайных глаз. Парни Балыка — Курт и Демир — незаметно подобрались к самому краю обрыва, запоминая расположение костров и шатров.

Кутлуг собрал отряд в распадке. Ночь выдалась слепой — низкие тучи плотно затянули небо, не пропуская ни лунного, ни звездного света. Темнота стояла густая, как черный войлок. Для тех, кто идет убивать, это была лучшая погода.

— Слушайте меня, — тихо сказал Кутлуг, и парни придвинулись ближе, ловя каждое его слово. — Бандиты стоят в низине. У них два костра: один большой, у шатров, второй поменьше — у коновязи. Шатров всего пять. Коней они привязали с восточной стороны, между лагерем и открытой степью. Они думают, что обеспечили себе путь отхода, но это их и погубит.

Он подобрал сухую ветку и набросал на подтаявшем снегу

простую схему лагеря:

— Бёри, берешь семерых парней и обходишь низину с юга. Ваша цель — коновязь. Подбираетесь вплотную, по сигналу режете путы и пугаете коней. Ловить их не нужно — гоните в степь. Без коней дезертиры станут пешими, а пеший бандит — это половина воина. Если кто-то из них бросится к лошадям — бейте из луков наповал, цельтесь прямо в грудь.

— А ты? — спросил Бёри.

— Я с остальными тринадцатью иду с севера, прямо на костры. Подползаем на расстояние верного выстрела. Луки держим до первого контакта, выпускаем по стреле в тех, кто у огня, а потом выхватываем сабли. Не стоять, не медлить. Нам нужно дать им ровно пять секунд страха. За пять секунд они не успеют понять, сколько нас, и не соберут строй. Пять секунд — и всё кончено.

Кутлуг выпрямился и посмотрел на притихших парней:

— Там две женщины из рода Бугра. Если найдете — не смей трогать. Женщина, которую угнали силой, — не предательница, она добыча. А добычу возвращают чистой. Бёри, жду твоего сигнала.

Кутлуг умел подражать голосам степных птиц — этому его научил старый Бёри-старший. Сигналом должен был стать троекратный крик ночного козодоя — редкой птицы для этого времени года, но пьяные бандиты вряд ли стали бы вслушиваться в тонкости степных голосов.

Они разделились на две группы и растворились в темно-

те. Мокрая весенняя трава не шуршала под ногами, а лишь тихо, едва слышно всхлипывала под войлочными подошвами поршней. Кутлуг шёл впереди, опустив корпус, двигаясь мягким, стелющимся шагом волка перед броском.

Вскоре из-за края холма показались костры бандитов — два желтых, подрагивающих глаза в непроглядной темноте. Из низины доносился тяжелый запах горелого конского жира, кислого кумыса и нечистот. Бандиты зарезали одного из украденных коней Балыка, бросив обглоданные кости прямо у кострища. Из лагеря доносились хриплые, пьяные голоса — дезертиры спорили из-за какой-то добычи, раздавался короткий, лающий смех. Несколько человек тяжело, надрывно храпели в шатрах. Кутлуг насчитал у костров не меньше пятнадцати силуэтов. Они были сыты, пьяны и совершенно слепы в ночной темноте.

Кутлуг замер в тридцати шагах от лагеря, опустившись на одно колено. Сердце билось ровно и тяжело. Он ждал.

Из темноты с южной стороны донесся тихий, протяжный крик козодоя. Один раз. Второй. Третий.

Кутлуг резко выпрямился:

— Луки! — коротко скомандовал он.

Всё кончилось за полторы минуты.

Группа Бёри ударила по коновязи. Парни перерезали волосяные путы, и напуганные кони с храпом бросились врассыпную. Из шатра спросонья выскочил рослый бандит с топором в руке, пытаясь перехватить уходящий табун. Его фи-

гура на миг четко прорисовалась на фоне углей. Тонко и зло звякнула тетива Бёри — стрела вошла дезертиру прямо в горло. Он захрипел, всплеснул руками и рухнул лицом вперед прямо в костер, подняв тучу багровых искр.

В то же мгновение тринадцать луков Кутлуга ударили с севера. Парни били навесом, прямо по площади лагеря, туда, где метались ошарашенные люди. Стрелы с костяными и железными наконечниками с глухим стуком вонзались в войлок шатров, в землю, в живое мясо. Лагерь взорвался криками — не человеческими, а какими-то звериными, полными ужаса и боли. Дезертиры выскакивали наружу без оружия, в одних рубахах, ослепленные дымом и темнотой, натыкаясь друг на друга.

— Сабли! — крикнул Кутлуг, выхватывая клинок, и первым ворвался в лагерь.

Перед ним выросла широкая тень — рослый мужчина с тяжелым боевым ножом. Он замахнулся, но его движения были пьяными, замедленными. Кутлуг рубил коротко, справа, наотмашь, как учил отец. Клинок Субаша с сухим хрустом перерубил бандиту запястье. Нож улетел в грязь, тень с воем повалилась на землю, а Кутлуг уже несея дальше, мимо горящих шатров.

Слева от него мелькнул молодой парень, пытавшийся скрыться в камышах. Стрела Демира догнала его в спине, и дезертир упал лицом в мокрую траву, точно подкошенный ковыль.

Кутлуг резко развернулся и замер. У последнего, самого маленького шатра стоял человек. Он не бежал и не кричал. Он держал в руках прямую уйгурскую саблю и смотрел прямо на Кутлуга. В колеблющемся свете костра Кутлуг увидел его лицо. Это был мальчик. Совсем юный, узкоплечий, лет семнадцати, не старше самого Кутлуга. На его щеках едва проступала рыжая юношеская щетина, а глаза были огромными, круглыми, полными дикого, первобытного страха. Он держал саблю неумело, обеими руками, как держат тяжелую палку, и рука его мелко, судорожно дрожала.

Это был дезертир из каганских новобранцев — один из тех, кого империя насильно забрала из голодающих кочевий и бросила на северную войну, откуда он сбежал при первой возможности.

Мальчик вскрикнул — тонко, по-детски — и попытался нанести удар сверху. Это было медленное, неумелое движение. Кутлуг не думал. В его сознании не было ни жалости, ни законов торе — лишь холодный рефлекс бойца. Он шагнул вбок, пропуская чужой клинок мимо себя, и рубил снизу вверх, наискось — от правого бедра к левой ключице.

Сабля вошла в тело удивительно легко, словно это был не человек, а плотный войлочный мешок. Кутлуг почувствовал, как сталь перерубила ребра. Горячая, густая кровь мгновенно брызнула ему на лицо, на рукав тулупа, залила рукоять сабли.

Мальчик не закричал. Он лишь коротко, удивленно вы-

дохнул, сабля выпала из его ослабевших пальцев, и он мягко, точно подкошенный, сел на колени, а затем повалился на бок.

Кутлуг стоял над ним две секунды. Две секунды, которые показались ему длиннее, чем вся предыдущая жизнь. В тусклом свете угасающего костра рыжий мальчик лежал на спине, его рот был полуоткрыт, а глаза смотрели в темное небо. В этих глазах не было ни злобы, ни боли — только бесконечное, застывшее удивление. Он словно не успел понять, почему степная ночь вдруг оборвалась этим коротким ударом, и почему впереди больше ничего нет — только вечная, глухая тьма.

Кутлуг медленно опустил саблю. Кровь стекала по долам клинка и капала на обледевшую траву. Он сделал первое в своей жизни убийство. Он забрал чужое «зачем», так и не узнав его.

Когда крики стихли, Кутлуг молча обходил разгромленный лагерь. Рядом шёл Мунгуш-младший с луком наготове. Его босые ноги были по щиколотку в чужой крови и грязи, но сам он не получил ни единой царапины. Он шёл спокойно, точно вернулся с обычной охоты.

Бандитов оказалось семнадцать человек. Одиннадцать лежали мертвыми среди шатров, четверо были тяжело ранены и хрипели в грязи. Двух дезертиров парни Бёри поймали живыми — они сидели у кострища со связанными руками, ту-по глядя в землю. На их лицах не было ни гордости, ни рас-

каяния — только абсолютная, выжженная пустота людей, у которых война сначала забрала дом, потом совесть, а теперь отнимала жизнь.

Двух угнанных женщин из рода Бугра нашли в дальнем шатре. Одна — молодая жена брата Балыка — была жива, её мелко трясло от шока, на губах запеклась кровь, а на шее темнели синяки. Вторая — шестнадцатилетняя девочка — сидела в углу и беззвучно двигала губами, не издавая ни звука. Она потеряла голос от пережитого ужаса. Мунгуш молча подошел к ней, снял свой теплый тулуп и накинул ей на худые плечи. Девочка даже не пошевелилась, лишь плотнее закуталась в овчину.

Кутлуг вернулся к телу убитого им рыжего мальчика. На его правой руке в тусклом свете углей что-то слабо блеснуло. Кутлуг присел на корточки и приподнял холодное запястье. На руке дезертира был надет простой бронзовый браслет с грубым тиснением: волк, бегущий по кругу. Яглакарский знак каганской гвардии. Этот мальчик когда-то носил волка на руке, гордился им, а потом бежал, превратившись в застреленного зверя. И круг замкнулся здесь, на Иртыше.

Кутлуг осторожно снял браслет и заткнул его за свой пояс. Он сам не знал, зачем делает это, но чувствовал, что этот кусок бронзы теперь связывает его с мертвым.

У коновязи Бёри-младший осматривал отбитых лошадей. Три коня Балыка были целы, остальные бандитские лошади разбежались в темноте.

— Потери у нас есть? — тихо спросил Кутлуг.

— Один, — Бёри отвернулся. — Аксак. Поймал стрелу прямо в горло, когда лагерь окружали. Умер сразу, не пикнув.

Кутлуг замер. Аксаку было всего двадцать два года. Через месяц у него должна была состояться свадьба с девушкой из рода Азов. Теперь свадьбы не будет.

Они подняли тела Аксака и убитых дезертиров. Лагерь по-дожгли, и черные столбы дыма лениво поползли в хмурое весеннее небо, унося с собой запах крови и гари.

Кутлуг шёл обратно к Каменному Броду, ведя коня в поводу. Его сабля была вытерта об сухой войлок, но лицо и руки всё еще хранили следы чужой теплой крови. Война с кыргызами, о которой Юсуф рассказывал в шатре, только что сделала свой первый шаг на их берег. И сделала она его через руку Кутлуга. Хранитель меча принял свое наследство. Меч Эркина попробовал крови нового поколения, и впереди была только долгая, суровая тьма весенней степи.

Глава 4. Соседи

Кунак приехал не так, как его дед.

Старый Сатук когда-то приходил на Иртыш скромно — вёл трёх навьюченных лошадей, носил потёртый дорожный халат и вёз в мешках сушёные яблоки для детей. Кунак же явился с настоящим караваном. Десять тяжёлых коней, че-

тыре погонщика, телега, гружённая железными полосами, и двое охранников. Эти охранники не щеголяли оружием, но их быстрые, цепкие глаза считали всё вокруг: количество шатров Йенгли, упитанность коней на пастбище, число мужчин в стойбище и удобные выходы из низины.

Кутлуг видел их приближение с холма. Караван двигался по раскисшей от весенних дождей тропе медленно, колёса телеги натужно скрипели. Кунак ехал впереди на крупном гнедом жеребце — не рабочем, а добром боевом коне. Сам купец держался в седле с посадкой человека, который умеет скакать галопом, но предпочитает не торопиться. Он был шире и выше своего деда Сатука, его лицо обветрилось не только в степи, но и на городских площадях. Однако в его голосе, когда он окликнул дозорного Йенгли, Кутлуг уловил ту же хрипотцу с присвистом на шипящих. Родовое, кимакское.

Тогрул вышел встречать гостя не у своего шатра, а у самой дороги, причём верхом. Это был тонкий дипломатический знак: буйрук встречал купца не как хозяин просителя, а как равного партнёра. Рядом на гнедом сидел Кутлуг. Тяжёлый меч Эркин привычно давил на бедро — теперь юноша не расставался с оружием ни днём, ни ночью. Это не было демонстрацией силы, скорее рутиной. Меч стал частью его тела, как вторая рука.

— Приветствую, Кунак, — ровно произнёс Тогрул, остановив коня.

— Здравствуй, Тогрул-буйрук, — ответил кимак, не слезая с седла. Это тоже был расчёт: сначала разговор на равных, и только потом — гостеприимство. — Дорога от нашего оседлого поселения заняла четыре дня, если двигаться не спеша. Я и не спешил.

— И правильно. Спешащие ломают телеги на переправах.

— И теряют головы, — добавил Кунак и коротко, мгновенно улыбнулся, точь-в-точь как дед Сатук. — Товар в целости. Всё, о чём уговаривались прошлой осенью. И кое-что сверх уговора.

— «Сверх» — это вести? — Тогрул остался серьёзен.

— «Сверх» — это доброе железо. А вести я отдаю бесплатно, в придачу. — Кунак тронул поводья, направляя коня к стойбищу. — Давай сначала разгрузим товар. Потом — кумыс, и только потом — долгий разговор. В обратном порядке у меня никогда не получалось: трезвый торг — короткий торг.

Торг у телеги тянулся три часа. Кунак вёл его плотно, оперируя сухими цифрами и расчётами, которые выстраивал вслух — не для того, чтобы разжалобить Тогрула, а чтобы показать ему саму систему цен.

— Двадцать мер зерна, — говорил купец, раскладывая на кошке кожаные мешочки с образцами. — Ячмень — двенадцать мер, просо — восемь. Ячмень с наших кимакских полей, тех, что за крепостной стеной, это второй урожай. Просо — с юга, от карлуков. Они в этом году сеяли его впервые, пе-

ренияли умение у согдийских земледельцев. Зерно крупное, чистое, без сора. Попробуй.

Тогрул взял горсть ячменя, медленно растёр зёрна между ладонями, понюхал и кивнул. Качество было отменным.

— Железо привёз в полосах, а не готовыми ножами, — продолжал Кунак, указывая на тяжёлые серые бруски в телеге. — Вам так выгоднее. Из готового ножа ничего другого не сделаешь. А из полосы ваш кузнец сработает либо два хороших ножа, либо три наконечника для копий. У вас ведь есть кузнец?

— Есть, — подал голос Кутлуг, внимательно пересчитывавший мешки. — Субаш из рода Байырку, которого мы вытащили из бурана. Его руки знают алтайское железо. Он уже правит сабли, а не только ладит подковы.

Кунак ничуть не удивился, лишь цепко зафиксировал имя древнего рудного племени. Он вообще умел скрывать свои чувства за маской вежливого равнодушия.

— Мастера Байырку — это великое приобретение для Иртыша, — заметил купец. — Сабля — это оружие манёвренного боя, для многих. А старый тюркский меч — он для одного, для того, кто стоит насмерть. Мой дед Сатук часто говорил об этом.

— Дед говорил много умного, — отозвался Тогрул.

— Дед говорил то, что видел своими глазами в степи. А я говорю то, что считаю в своём амбаре. Разные подходы, но оба работают, — Кунак перешёл к тканям. — Два отреза

грубой, но прочной шерсти. И третий — хлопок, тонкий, белый. Привезён с далёкого юга, из-за Суяба. Карлуки перекупили его у согдийцев, те — у персов. Дорога длинная, опасная, оттого и цена соответствующая. Но ткань стоит того — не рвётся на сгибах, не гниёт от пота и не линяет при стирке.

— И какова твоя цена за всё? — Тогрул прищурился.

— Двенадцать добрых коней за зерно, железо, ткани и соль. И два мешка сушёных яблок я отдаю сверху, от себя. Дед так делал, и я традицию чту.

— Десять коней, — твёрдо сказал Тогрул.

— Одиннадцать, буйрук, и это моя последняя черта.

— Десять.

Кунак вздохнул, убирая образцы тканей обратно в мешок:

— Тогрул-буйрук, цена в десять коней была три зимы назад. С тех пор уйгуры подняли пошлину на транзит через свои заставы. Любой караван, идущий от Суяба, теперь обходится вдвое дороже. Зерно на рынках поднялось в цене, железо — втрое. Десять коней для меня — это чистый убыток, мне проще повернуть караван обратно на запад к канглам. Одиннадцать коней — это честная, очищённая от лишнего цена. Двенадцать — это с моим купеческим запасом, который тебе не нужен, а мне был бы приятен.

Тогрул долго молчал, взвешивая возможности родовой казны. Одиннадцать коней — это почти треть их весеннего излишка. Но без зерна союз Секиз-Огуз не дотянет до следующей травы, без железа Байырку парни пойдут в дозор со

сточенным оружием, а без соли весеннее мясо испортится за три дня.

— Одиннадцать коней, — наконец произнёс Тогрул. — Но при одном условии, Кунак.

— Каком?

— Ты расскажешь мне про эту новую пошлину. Почему уйгуры подняли цену за проход? Что происходит в ставке кагана?

Кунак пристально посмотрел на буйрука, словно решая, сколько информации тот может купить за свою уступку.

— Пошлину подняли, потому что империи нужны деньги на войну, — Кунак опустил на кошму и достал кожаный кисет с пахучими травами. Он раскурил трубку — Сатук никогда не курил, но Кунак принадлежал к новому, городскому поколению кимаков, перенявшему привычки согдийских торговцев. Серый дым смешался с прохладным весенним воздухом. — Кыргызы давят на севере, у Саянских отрогов. Уйгуры держат там огромную армию, а война пожирает золото быстрее, чем саранча — траву. Налог на транзит — это налог на выживание каганата. Уйгуры воюют, а платим мы, купцы. И это только начало большого разлома. Идём в шатёр, Тогрул. У меня пересохло в горле, а такие вести под сухую лепёшку не рассказывают.

Кумыс пили в глубокой тишине главного шатра буйрука. Это был разговор не для ушей простых общинников. Кутлуг сел у самого входа, положив руки на колени. Кунак заметил

его присутствие, но возражать не стал — он понимал, что этот юноша с тяжёлым мечом рано или поздно станет решать судьбу иртышских переправ.

Купец сделал долгий глоток, вытер губы и откинулся на войлочную подушку. Его взгляд стал жёстким, исчезла привычная рыночная угодливость.

— Уйгурский каганат стремительно слабеет, Тогрул, — без предисловий начал Кунак. — Не за один день, конечно, но процесс уже не остановить. В Орду-Балыке идут непрерывные перевороты. Военный министр Кюлюг-бег всё сильнее подминает под себя власть, каган болен, а министры рвут друг другу глотки. Жрецы бьются за влияние, командиры — за распределение доходов от шёлкового пути, а ставка пытается усидеть на шатающемся троне. И она не усидит. Потому что когда в центре спорят о власти, реальная земля под копытами коней начинает гореть.

Кутлуг слушал, затаив дыхание. В его голове выстраивалась страшная картина: огромная империя, которая ещё вчера казалась незыблемой скалой, на самом деле была гнилым деревом. Приказы из центра больше не имеют прежней силы, а наместники на заставах предоставлены сами себе.

— А что кыргызы? — подал голос Кутлуг.

Тогрул не оборвал его, а Кунак лишь слегка повернул голову, оценивая интонацию юноши.

— Кыргызы сильны, — ответил купец. — И сильны они прежде всего тем, что голодны до великой степи. Их прави-

тель Ажо воюет с уйгурами уже двадцать лет. Вдумайся, парень: выросло целое поколение кыргызов, которое вообще не знает, что такое мир. Для них война — это нормальное состояние жизни. Они ждут, когда Орхон окончательно одряхлеет.

— Они придут сюда, на Иртыш? — спросил Тогрул.

— Напрямую сюда они не пойдут, пока им это невыгодно, — Кунак допил кумыс. — Но их конные разъезды уже свободно бродят к востоку от Хангая. Уйгуры не могут их сдержать. Я возвращался через Беш-Таш — пограничную уйгурскую крепость. Знаешь, сколько там гарнизона? Сорок человек! Из них половина — чахоточные старики, а коней меньше, чем людей. Стены крепости осыпаются после каждого весеннего ливня, их никто не чинит. Командир крепости открыто сказал мне за чашей чая: «Если кыргызы ударят всей силой, мы не удержим Беш-Таш и до полудня». Наступит великая пустота. А степь, как и пустая миска, долго пустующей не бывает — кто-то её обязательно наполнит.

В шатре воцарилась тяжёлая, осязаемая тишина. Ветер снаружи лениво шевелил полы войлока, где-то на коновязи бряцало железное стремя.

— А теперь давайте поговорим о нас, — Кунак сменил тон, его голос стал вкрадчивым. — О кимаках. О моем кагане и о том, зачем я приехал сюда на самом деле. Не только ради обмена зерна на ваших верховых лошадей.

Купец залез в мешок и достал плотный берестяной сви-

ток, скреплённый тяжёлой сургучной печатью. На красном воске отчётливо проступал оттиск: волк, бегущий к солнцу. Кутлуг внутренне подобрался — этот знак был похож на тот, что он видел на браслете убитого дезертира, но там волк бежал по замкнутому кругу, а здесь — стремился вверх.

— Это личная печать нашего кимацкого бека, которого мы теперь называем каганом, — веско произнёс Кунак, расстилая свиток на кошме. — Наш правитель понимает то, чего не понимали последние уйгурские владыки: империю держит не сабля, её держит связь.

— Объясни, — потребовал Тогрул, наклоняясь к свитку.

На бересте была начертана не просто грамота, а детальная схема — линии, стрелки, точки. Это была купеческая карта дорог.

— Древние ханы строили свою державу на жёстком подчинении, — Кунак повёл пальцем по линиям. — Конь, сабля, дань. Победил род в бою — они платят тебе. Проиграл бой — они сразу оборачивают сабли против тебя. Это хрупкая система, как мартовский лёд на реке: с виду блестит и держит, а ступишь тяжёлым копытом — провалишься в бездну. Мы, кимаки, строим не империю подчинения, мы строим Сеть.

— Сеть? — Тогрул словно попробовал незнакомое слово на вкус.

— Города, постоянные рынки, защищённые дороги. Караван идёт от узла к узлу, товар беспрепятственно перетека-

ет от кузнеца к пастуху, от пастуха — к земледельцу, от земледельцу — к воину. Все друг другу нужны, все друг с другом связаны общим доходом. Оторви один узел — остальные удержат Сеть.

— А что происходит с теми родами, которые не хотят входить в вашу Сеть? — прищурился Кутлуг.

Кунак повернулся к юноше, и в его глазах мелькнул жёсткий огонь:

— Тот, кто остаётся вне Сети, парень, тот воюет в одиночку. Это не моя угроза, это суровый закон степи. Сеть открыта для всех: приходи, торгуй, встраивайся в общие караванные пути, живи под защитой наших крепостей. Но если ваши роды решают стоять особняком, вне дорог — вы остаётесь один на один с голодом, кыргызами и канглами, которые бурлят на западе. Одинокое кочевье в наступающей пустоте — это мёртвое кочевье.

— Звучит красиво, Кунак, — Тогрул качнул головой. — Но для меня это выглядит как та же самая дань, только названная другими, мягкими купеческими словами.

— Дань — это когда у тебя забирают последнее и ничего не дают взамен, кроме обещания не убивать тебя до следующей весны, — жёстко парировал кимак. — А Сеть — это когда ты отдаёшь излишек коней по фиксированной цене, но получаешь взамен постоянный приток железа, зерна, соли и, главное, защиту наших конных отрядов на дорогах. Разница огромна. Я не предлагаю вашим родам платить нам дань. Я

предлагаю вашему союзу Секиз-Огуз занять своё законное место в нашей Сети. Ваше место — здесь, на среднем Иртыше. Вы речные люди. Вы лучше всех знаете эти броды, переправы и прибрежные пастбища. Мы — степные и городские кимаки, мы держим караванные пути, кузницы и рынки. Нам нужен прочный, зубастый буфер здесь, на Иртыше. Вы — наш щит от восточной угрозы. Это жёсткая правда, но это правда. Я говорю её открыто, потому что правда в степи обходится дешевле лжи. Ложь нужно постоянно поддерживать силой и новыми обманами. А правда стоит сама по себе.

Тогрул медленно, веско кивнул. Он оценил эту честную купеческую прямоту.

— Я подумаю над твоим предложением, Кунак, — произнёс буйрук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.